

И.В. ШВЕДОВА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО САМОПОНИМАНИЯ

Ирина Викторовна Шведова,

Белгородский государственный музей народной культуры,
отдел научно-методического и информационного
обеспечения,

старший научный сотрудник

Мичурина ул., д. 43, Белгород, 308002, Россия

E-mail: irinasventa@gmail.com

Реферат. В статье представлена этнокультурная идентичность как реальность социального самопонимания. Отмечается, что процессы, связанные с глобализацией культурных практик и разрушением этнокультурной самобытности современных обществ, актуализируют вопрос о перспективах исторической сохранности самих основ общественной жизни. Социальные смыслы человеческого существования сохраняются не только за счет все нового культурного производства; само это производство становится возможным, надежным и исторически эффективным при постоянном осмыслении фундаментальных основ традиции, из которой растет новация, в том числе и визуальных форм бытовой, праздничной народной культуры. Ослабленная способность постмодернистского человека конца XX — начала XXI в. воспринимать ценностно-визуальные коды традиции обусловила глобальное упрощение и индивидуализацию социального самопонимания. Отсутствие естественной практики созидательного размышления на конкретном визуальном материале — непосредственно или в творческом процессе — нивелирует восприятие ценностных оснований культуры в границах мира вещей, которые в результате становятся ценными сами по себе, как предметы удовлетворения базовых потребностей. Вопрос об исторической сохранности

основ общественной жизни становится, по существу, вопросом об этнокультурной идентичности, актуальном реформатировании современных этнокультурных практик, новых инициативах по сбережению традиционных основ культуры с целью сохранения «человеческого капитала» в глобальном мире, который стремится насколько возможно сохранить свою гуманитарную природу и историчность.

Ключевые слова: культура, этнокультурная идентичность, этнос, этнохудожественный опыт, социокультурная память, социальное самопонимание.

Для цитирования: Шведова И.В. Этнокультурная идентичность как реальность социального самопонимания // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 148–153. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-148-153.

Представление об этнокультуре как об особой, автономной реальности прошлой жизни — эволюционной данности отжившей культуры, в которой доминируют примитивно-архетипические, «детские» смыслы и застывшие со временем художественные формы, вряд ли кто-то назовет познавательным успешным. Дело не только во вполне состоявшихся исследовательских традициях антропологических школ — от К. Леви-Стросса до К. Гирца — тех ученых, в трудах которых эволюционистские установки и метафизика художественных форм являются периферийными по отношению к их базовой установке понимания мира культуры как мира встречных смыслов и событий, понимаемых эмпатически или участно [1; 2, с. 90–115].

ЭТНОКУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Действительность современной культуры давно уже не представляет собой ландшафт, образуемый автономной деятельностью этнических групп [3–5]. Поглощаемые урбанизированной средой цивилизации, исчезают границы былых этнических локусов. В условиях существующей свободы перемещения для успешной коммуникации возникают новые лингвокультурные скрепы — языки международного общения, которые значительно отличаются от естественных языков-прародителей (ярким примером служит новейшая история весьма подвижного International English) [6; 7]. Современный мегамонстр, в недрах которого девальвируются и исчезают границы культурной коммуникации, — среда сетевого электронного общения, место «растворения» глобального одиночества и обширная арена реализации массовых технологий. Своя устойчивая ниша в этой виртуализированной реальности определена и для этнокультуры, включаемой в информационное поле в виде художественных реплик некогда существовавшей мифопоэтической гармонии микро- и макрокосма либо интерпретируемой уже как событие туристического бизнеса [8]. Ее знаково-символьная основа формализованно включается в декоративный антураж продаваемых путешествий, что более всего отвечает бытованию современного общества культурных конзумаций и технологий стимулирования сбыта среди потребителей (consumer promotion). Актуализируется вопрос о перспективах исторической сохранности самих основ общественной жизни, где ценностно-визуальные структуры народного художественного языка являются уже не только предметом научного интереса этнографов, но и все более расширяющегося круга практикующих любителей того, что в советский период российской культуры стало именоваться декоративно-прикладным искусством.

Возникают новые основания говорить об этнокультуре как живой познавательной форме социального самопонимания — народного знания о том, «как жить и что следует делать» [9], или, онтологически, — об этнокультурной идентичности как практическом сличении глубинных сущностных структур самой личности с полной человеческой общности, «полагающей смыслы» [10, с. 17–20], связанной отношениями культурно-исторического родства. Исследуя этнокультурную идентичность, важно принимать во внимание существующее постоянство собственно этнического: «идентичность этническая трансформации не подлежит» [11, с. 50–68]; неразложимым является этническое тождество «речи и действительности» [12, с. 55–58],

когда, усваивая особенности живого языка в орбите своей этногруппы, человек непосредственно вбирает опыт, удержанный в речи «своими другими», становясь очередным хранителем и транслятором их памяти. Являясь культурным полаганием и тем самым творческим расширением этнического, этнокультурная идентичность оказывается условием трансляции этнохудожественного опыта как практической формы целостного опыта социального самопонимания, выражения личностной специфики полноты бытия.

«ОБЩЕЕ МЕСТО» ЭТНОКУЛЬТУРЫ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Социальные смыслы человеческого существования сохраняются не только за счет все нового культурного производства; оно само становится возможным, надежным и исторически эффективным при постоянном осмыслении фундаментальных основ традиции, откуда произрастает новация — дитя исконных форм социального самовыражения. К этим формам относятся и визуальные формы бытовой, праздничной народной культуры с их традиционными смыслами или ценностно-смысловыми кодами. Так, отдельно взятый атрибут традиции прошлого и безусловно принадлежащий ему — аутентичный народный костюм, своей орнаментацией помогающий дешифровать непреходящие культурные смыслы для этнографа, культуролога, историка, современного дизайнера, художника, знаковеда, служит в данном контексте будущему.

Наследие предыдущей эпохи — постмодерна, продолжая искушать сознание бесконтрольной субъективностью и бесконечным порождением конкурирующих интерпретаций, заставляет поставить вопрос: а возможно ли адекватное прочтение культурных текстов прошлого, связанных в первую очередь с их историческими контекстами и социокодами, усилиями новых «интерпретирующих сообществ» [13], включенных в совершенно иные социально-культурные реалии? Восприятие нематериальных атрибутов этнокультуры, донесенных до нас в ее празднично-обрядовой составляющей, в обществе, где имеет место давний разрыв с традицией, неминуемо ослабевает. И здесь также наблюдается двойственность уходящих в прошлое форм и сопряженных с ними смыслов — как своеобразной точки опоры, некоего «общего места» культуры, с которым продолжает ощущаться подспудная связь. Анализ практически любого отмеченного в крестьянском народном календаре дня с приуроченным к нему комплексом праздничных или иных ритуально-об-

рядовых действий выявляет две стороны. Одна — заставляет признать эти культурные практики темным суевением и отжившим архаизмом, другая — обнаруживает ценное дополнение к разумной организации жизни, стремление к многоуровневой одухотворенности ее бытия, всю многосложность которого сегодня описывает календарный круг некогда упорядоченной народной жизни, включающий и дни особого почитания природных стихий, живых и усопших, духов и божеств из дохристианской народной культуры, приуроченные к этим дням приметы, даты начала сезонных полевых и домашних хозяйственных работ, сватовства и свадеб.

Благодаря крестьянскому народному календарю, вобравшему в себя и христианские праздники, до сегодняшних дней сохранены некоторые представления о духах мест обитания, сложившиеся еще в глубокой древности. В день 10 февраля (28 января по ст. ст.) праздновались и «именины» домового — популярного персонажа древней народной демонологии, с обязательным правилом устного чествования и оставления ночного угощения [14, с. 67–73]. С одной стороны, подобные обряды могут быть признаны темным суевением, но всё видится в совершенно ином ракурсе, если целостно рассмотреть персонификацию в домовом домашнего духа-хозяина. Способы сохранения его адекватного расположения и лояльности к домочадцам — это чистота, порядок в делах, лад в семье, отсутствие которых порождает неожиданные неприятности, пропажи, душевное беспокойство, слуховые и зрительные галлюцинации (так «проявляет» себя домовый). Следовательно, через означенного «духа» как через своеобразный регулятив осуществляется индикация социального микроклимата жилища, его ценностно-нормативных структур.

Сохраняется и определенным образом обновляется ритуальность в понимании социального. Характерна в этом отношении календарная традиция почитания природных стихий — жизненных первоначал, воплощенных в образах различных божеств. Например, в День сошествия Святого Духа (отмечаемый на 51-й день после переходящего праздника Пасхи) почитается как именинница Мать Сыра Земля: запрещается в этот день копать, рыть, втыкать в нее колья (а поклонение в течение круглого года включает запреты плевать на землю, несвоевременно производить на ней полевые работы, рыть, тревожить без нужды). Являясь одним из самых архаичных пережитков, традиция почитания природной стихии стойко сохраняет свои корни в праздниках аграрного цикла, но также направлена к будущему своей культурной стороной, культивирующей постижение родства с миром природы — не только как с кормящим ландшафтом, но и как с глобальным жизненным источником духовного и физического здоровья. Понимание ритуального в культуре сов-

ременного урбанизированного мира сублимируется и вновь проявляет себя, возможно, в роли некой исходной точки для развития софиосферного сознания, экологизации среды обитания.

Таким образом, на первый план выходит ценность этнокультуры вообще, а не индивидуальной принадлежности к определенной этногруппе, имеющей историческое авторство в создании этой ценности. Триада «прошлое — настоящее — будущее» в рамках данного исследования приобретает содержание: «этнос — человек — этнокультура». Человек здесь является условием перевоссоздания этнокультуры прошлого, когда ее знание, язык и специфика формировались в рамках породившего ее этноса, и в равной мере — транслятором этнокультуры в социальное будущее, жить полноценно в котором он заинтересован. Выполнение этой связующе-транслирующей функции невозможно без осознания собственной этнокультурной идентичности, которая, в отличие от этнической, связывается уже не столько с исходными данными по факту рождения, сколько со способностью осознавать и преобразовывать этноопыт прошлого, полагая его в единстве смыслов с настоящим и будущим.

ЭТНОХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Дополняя мысль В.Н. Лехциера о художественном опыте как опыте переживания, — после его осознания в терминах «тела», «сознания» и аналитики «наличного бытия» (Dasein) [15, с. 21, 83], очень естественно выйти через сферу искусства, как его извечного посредника, на понимание природы опыта этнохудожественного. Посредством означенного опыта, распознающего, усваивающего и наследующего ценностные коды, дабы оперировать ими в дальнейшем, приходит осознание этнокультурной идентичности — как личностный отклик на целостность окружающего бытия, активное включение индивида в пространственно-временные и вневременные смысловые координаты культуры. Этот особый механизм восприятия культуры — как своей корневой, так и других человеческих общностей — формируется при участии социокультурной памяти, создающей жизненную альтернативу тем стратегиям глобальной коммуникации, которые приводят «к разрушению культурных границ, а значит, и к аннигиляции всякой памяти, наступлению эпохи всеобщего презентизма, появлению культуры, в рамках которой плоскость экрана абсолютно закрыла глубины прошлого» [16].

Упрочение потенциала этнохудожественного опыта в постмодернистских контекстах глобальной коммуникации растягивается во времени, становится прерывным, фрагментарным. Социальное самопонимание все более тяготеет к индивидуализации и упрощению. При этом вынужденная фрагментарность восприятия в условиях быстрой ориентации среди инфографики бесчисленных контентов виртуализованной среды общения в начале XXI в. ставит нас перед специфической ситуацией перекодировки культурных текстов. Проблематизация оснований этой перекодировки в собственно этнохудожественном опыте означает усиление внимания к такому своеобразному метаязыку культуры, как орнамент с его информационной емкостью, исконно-зрительной предметностью, в которой геометрическая пространственность («треугольность») становится тождественной мгновению как истоку временности [17, с. 457, 617 и др.]. Орнамент определяется как маркер ритуалов культуры, ее символическое хранилище [18], смысловая наполненность которого существенно нивелировалась возобладавшим в ремесленно-прикладном творчестве принципом декоративности. Тем не менее, являясь вторичной моделирующей мир системой [19, с. 520], художественный язык символа продолжает транслировать из века в век, из поколения в поколение культурные универсалии, образы архетипов, подспудно, как это не раз уже проявлялось в ходе истории, влияющие на психику и поведение, фиксирующие в сознании определенные ценностные ориентации. Геометризованная пластика народного художественного языка, запечатлевшего себя в культурных артефактах, является поистине неисчерпаемой копилкой для нового творческого опыта, обозначая перспективу в среде мультикультурализма и глобальной культуры после постмодернизма — в роли механизма ее памяти как места, где, по определению М.К. Мамардашвили, «возможно одновременное аналитическое изучение самых различных идеологических элементов данной культуры» [20, с. 122].

Потенциал этнохудожественного опыта реализуется в практике символизации человеческой общности и одновременно — в процессе повседневной дешифровки ее культурных смыслов. Отсутствие естественной практики созидательного размышления на конкретном визуальном материале, непосредственно или в творческом процессе, нивелирует формирование ценностных оснований культуры в границах мира вещей, которые в результате становятся ценными сами по себе, как предметы удовлетворения базовых потребностей в пище, телесном комфорте, мобильности перемещений, развлечениях и т. д. Этнохудожественный опыт, существуя как остаточный, музейный материал выхолощенных и полузабытых смыслов, начинает «цитироваться»

в роли декоративной, произвольно комбинируемой и, следовательно, умерщвляемой как язык культурной составляющей.

Этнокультурная идентичность имеет все основания рассматриваться как исторически актуальная форма социального самопонимания, поскольку не позволяет сузить его до сугубо этнических рамок. Здесь обозначается перспектива для решения одной из вечных проблем: динамики социокультурной общности, сохранения ее смысловой целостности и, вместе с этим, открытости, обновляемости. Вопрос об исторической сохранности основ общественной жизни тем самым становится вопросом о перспективном реформатировании современных глобальных культурных практик, о новых инициативах по сбережению традиционных основ культуры как предпосылках сохранения «человеческого капитала», его гуманитарного ренессанса.

Список источников

1. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
2. *Гирц К.Д.* Интерпретация культур / пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова и др. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
3. *Даренский В.Ю.* Диалогическая структура художественной рефлексии // Известия Саратовского университета. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 14–18.
4. *Тучина О.Р.* Этнокультурная традиция и самопонимание личности // Культура и цивилизация. 2012. № 2–3. С. 114–123.
5. *Скворцов Н.Г.* Индивид и этническая среда: проблема этничности в символическом интеракционизме // Социология и социальная антропология : сборник статей. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. С. 303–321.
6. *Modiano Marko.* International English in the global village // English Today : The International Review of the English Language. 1999. Vol. 15, № 2. P. 22–28.
7. *Peters Pam.* The Cambridge Guide to English Usage. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 608 p.
8. *Мошняга Е.В.* Международный культурный туризм как фактор межкультурной коммуникации // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2005. Вып. 55. С. 128–147.
9. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Москва : Айрис-пресс, 2007. 576 с.
10. *Великовский С.И.* Культура как полагание смысла // Одиссей. Человек в истории. 1989: Исследования по социальной истории и истории культуры : альманах. Москва : Наука, 1989. 198 с.
11. *Хантингтон С.П.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. Москва : АСТ : Транзит-книга, 2004. 635 с.
12. *Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. Москва : Лабиринт, 1994. 223 с.

13. *Fish Stanley*. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1980. 394 p.
14. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. Москва : Индрик, 1994. 784 с.
15. Лехциер В.Н. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара : Двадцать первый век, 2002. 236 с.
16. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640> (дата обращения: 10.02.2018).
17. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1994. 654 с.
18. Привалова В.М. Реализация культурного ритуала в материале орнамента / НИИ регионологии Мордовского гос. ун-та // Регионология. 2011. № 3. С. 347–351.
19. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство, 2000. 704 с.
20. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

Ethno-Cultural Identity as a Reality of Social Self-Understanding

Irina V. Shvedova

Belgorod State Museum of Folk Culture, 43, Michurina Str., Belgorod, 308002, Russia
E-mail: irinasventa@gmail.com

Abstract. *The article presents the ethno-cultural identity as a reality of social self-understanding. It is noted that the processes, associated with the globalization of cultural practices and erosion of the ethno-cultural identity of modern societies, actualize the question of the prospects of historical preservation of the very foundations of public life. The social meanings of human existence are preserved not only due to the new cultural production; this production itself becomes possible, reliable and historically effective with ongoing comprehending of the roots of tradition, from which novation grows, including the one of visual forms of everyday and festive folk culture. The postmodern man of the end of the 20th – beginning of the 21st century has a weakened ability to perceive the value-visual codes of tradition, which causes the global simplification and individualization of social self-understanding. The absence of a natural practice of creative reflection on the particular visual material – directly or in the creative process – eliminates the perception of the value foundations of culture within the boundaries of the world of things, that as a result become valuable in themselves, as objects of satisfaction of basic needs. The issue of historical preservation of the foundations of social life becomes, in essence, the question of ethno-cultural identity, actual reformatting of modern ethno-cultural practices, new initiatives of preservation of the traditional foundations of culture to save the “human capital” in the global world, which seeks, as far as possible, to preserve its humanitarian nature and historicity.*

Key words: culture, ethno-cultural identity, ethnos, ethno-art experience, social-cultural memory, social self-understanding.

Citation: Shvedova I.V. Ethno-Cultural Identity as a Reality of Social Self-Understanding, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 148–153. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-148-153.

References

1. Levi-Strauss C. *Structural Anthropology*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001, 512 p. (in Russ.).
2. Geertz C.J. *The Interpretation of Cultures*. Moscow, Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2004, 560 p. (in Russ.).
3. Darensky V.Yu. The Dialogic Structure of Artistic Reflection, *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [News of the Saratov University], 2014, vol. 14, issue 1, pp. 14–18 (in Russ.).
4. Tuchina O.P. Ethno-Cultural Tradition and Self-Understanding, *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2012, no. 2–3, pp. 114–123 (in Russ.).
5. Skvortsov N.G. The Individual and the Ethnic Environment: The Problem of Ethnicity in Symbolic Interactionism, *Sotsiologiya i sotsial'naya antropologiya: sbornik statei* [Sociology and Social Anthropology: collected articles]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1997, pp. 303–321 (in Russ.).
6. Modiano M. International English in the Global Village, *English Today: The International Review of the English Language*, 1999, vol. 15, no. 2, pp. 22–28.
7. Peters P. *The Cambridge Guide to English Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 608 p.
8. Moshnyaga E.V. International Cultural Tourism as a Factor of Intercultural Communication, *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Proceedings of the Moscow University for the Humanities], 2005, issue 55, pp. 128–147 (in Russ.).
9. Strakhov N.N. *Mir kak tseloe* [The World as a Whole]. Moscow, Airis-Press Publ., 2007, 576 p.
10. Velikovskiy S.I. Culture as a Setting of Meaning, *Odissei. Chelovek v istorii. 1989: Issledovaniya po sotsial'noi istorii i*

- istorii kul'tury: al'manakh* [Odysseus. The Man in History. 1989: Studies on Social and Cultural History: almanac]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 198 p. (in Russ.).
11. Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. Moscow, ACT Publ., Tranzitkniga Publ., 2004, 635 p. (in Russ.).
 12. Rosenstock-Huussy E. *Speech and Reality*. Moscow, Labirint Publ., 1994, 223 p. (in Russ.).
 13. Fish S. *Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1980, 394 p.
 14. Afanasyev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature], vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 1994, 784 p.
 15. Lekhtsier V.N. *Vvedenie v fenomenologiyu khudozhestvennogo opyta* [Introduction to the Phenomenology of Artistic Experience]. Samara, Dvadsat' Pervyi Vek Publ., 2002, 236 p.
 16. Vasilyev A. Memory Studies: The Unity of Paradigm — A Variety of Objects, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 5 (117). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/2640> (accessed 10.02.2018) (in Russ.).
 17. Plato. Timaeus, *Platon. Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Plato. Collected Works: in 4 volumes], vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 654 p. (in Russ.).
 18. Privalova V.M. Cultural Ritual Realization in the Ornament Material, *Regionologiya* [Regionology], 2011, no. 3, pp. 347–351 (in Russ.).
 19. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, 704 p.
 20. Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., 1997, 224 p.

18–21 июня 2018 г.

Саратовский государственный художественный музей
им. А.Н. Радищева

XXII ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

АДИТ-2018 «ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНСТИТУТАХ ПАМЯТИ: ОТ ЧАСТНЫХ ЗАДАЧ К КОМПЛЕКСНЫМ РЕШЕНИЯМ»

АДИТ — одно из ключевых всероссийских мероприятий, объединяющих руководителей музеев, библиотек и архивов, хранителей, специалистов по связям с общественностью, менеджеров мультимедиа и интернет-проектов, специалистов в области применения информационных технологий, а также представителей коммерческих компаний, производителей оборудования и разработчиков цифровых продуктов для учреждений культуры.

Основные темы конференции:

1. Актуальное правовое регулирование музейной деятельности и информационные технологии.
2. Оборудование и ПО для ИТ-инфраструктуры музея: решения для оцифровки, системы хранения данных, ПО для корпоративных целей музея, информационная безопасность.
3. Технология виртуальной дополненной реальности (VR AR) для музеев.
4. Искусственный интеллект, машинное зрение и их применение в институтах памяти.
5. Новые возможности в сети: облачные технологии, блокчейн-платформы и смарт-контракты.
6. 3D-моделирование в музейной практике.
7. Музей и аудитория: взаимные исследования и оценки.
8. Подходы современного маркетинга и музей.
9. Музейные сайты: новые тенденции.
10. Популяризация музейной коллекции через игру.
11. Просвещение, образование и технологии.
12. Системы безопасности и охранная маркировка фондов музеев, библиотек и архивов.
13. Электронная коммерция.
14. Мультимедиа в экспозиционно-выставочной деятельности: современные аудиовизуальные решения для музеев.
15. Мобильные технологии в музее. Конференцию предваряет двухдневный семинар «Мастерские АДИТ». В рамках конференции традиционно пройдут КАМИС-Клуб и Клуб главных хранителей.

Подробнее: www.adit.ru